

ПЕСЕННЫЙ, ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ

Людмила ЗЫКИНА.

Фото Р. ФЕДОРОВА.

МНОГО на земле пишущих стихи и поющих песни. Но очень немногим выпадает счастье войти своим творчеством в сердца людей и сопутствовать им в их радостях и печалих в течение всей жизни.

Такое счастье выпало на долю Людмилы Зыкиной. Концертные залы ломятся от публики, когда она поет.

Что в ней так привлекает и трогает? Глубочайшая сокровенная поэтичность голоса, доподлинная лиричность натуры.

Зыкина — певица с ярко выраженным национальным характером. Ее имя может быть смело названо в ряду таких имен, как Ольга Ковалева, Лидия Русланова, сделавших очень много в утверждении русской песни на советской эстраде.

В самом облике Людмилы Зыкиной есть что-то величавое, спокойное, уверенное, былинное.

Она еще не начинала петь, а контакт между певицей и публикой установлен. Как это достигается?

Есть, конечно, внешние приемы: красивый выход, скромный поклон залу, милая улыбка. Это делают все. Но не у

всех это получается непринужденно и мило. В конечном счете все решает талант. Излучение тепла идет только от таланта, от богатства душевной кладовой. Душевная кладовая Людмилы Георгиевны раскрывается сразу, с первой песни:

— Матушка, матушка, что во поле пыльно? — звучит из ее уст, и в зале уже всем тревожно за девушку, о которой поется в песне, которая сердцем угадывает, что готовится перемена в ее жизни. Мятущейся мелодии дочери противопоставлена мудрая, эпическая мелодия матери, которая как бы успокаивает дочь, говорит ей о суровой правде жизни. Материнскую нежность к дочери и в то же время строгость Зыкина передает с огромной впечатляющей силой.

Она однажды позволяет себе даже выкрикнуть слово «матушка», чтобы закончить этот народный песенный шедевр покоряющей фразой «Господь с тобою», звучащей как благословение на новый, трудный жизненный путь.

Нет, не только поет эту песню Зыкина, она поднимает

в своем исполнительстве на высоту философского обобщения, она показывает, как правдива, высоко нравственна и гуманна русская народная песня.

Свеж в памяти прекрасный концерт в Колонном зале Дома союзов, приуроченный к 20-летию оркестра русских народных инструментов. Каждый из солистов, выступавших и певших под оркестр, блеснул своим мастерством и вдохновением — и Сергей Лемешев, и Артур Эйзен, и Тамара Милашкина, и Виктория Иванова. Участвовала в вечере и Зыкина. Она пела все новое. Все то, что было подготовлено с оркестром, честно было исполнено, но зал не унимался и несколько минут настойчиво вызывал Зыкину. Наконец вышла певица, но пропал дирижер Владимир Федосеев. Зритель беспокоился:

— Почему заминка? Что с дирижером? Но зазвучал голос Людмилы Зыкиной, и все поняли, как хороша песня русская и в одном голосе, без сопровождения.

Песню «Сронила колечко»

доносил до сердца людей чуткий, умный, думающий голос Зыкиной. Что он может сделать, человеческий голос, когда принадлежит талантливому человеку!

ВСПОМИНАЮ начало концертного сезона этого года.

Для Зыкиной он открылся 2 октября. Она пела два отделения. После концерта народ не расходился. Певица пробиралась к выходу по коридору трепещущих людских ладоней.

На улице был дождь, ветер. Под ноги падали тяжелые, мокрые листья. Несмотря на непогоду, люди окружили Зыкину и продолжали аплодировать ей на улице. Сотни рук тянулись за автографами.

— Приезжайте к нам в Магадан, — приглашал человек в очках, видя, что ему не удастся пробраться к певице.

— Я уже была там! — ответила она.

— Тогда приезжайте на Шлиссбурген! — не растерялся другой мужчина.

— И там я была! — не без гордости ответила Зыкина.

— А на Камчатке? — тут же вмешалась женщина.

— И на Камчатке была! — ответила Людмила и поцеловала пожилую женщину, неизвестно как очутившуюся на концерте в Москве.

Список городов, в которых пела Людмила Зыкина, бесконечен. Но если даже в один из них она не успела съездить, все равно ее там знают и любят, потому что и туда долетели ее дивный голос, ее певучая, греющая сердце душа.

МНЕ, написавшему для Зыкиной и «Оренбургский пуховый платок», и «На побывку едет молодой моряк», и «Лен, лен, лен», приходилось много раз встречаться с Людмилой Георгиевной у нее дома.

Она и человек такой, как ее пение, — мягкий, общительный, уважительный, душевный. Соберутся у нее друзья — она уже не певица, а добрая, хорошая хозяйка. Всех приветит, каждому доброе слово скажет, а попросит, чтобы спела, ломаться не будет, возьмет гитару, и зазвучат цыганские романсы.

Какие они делаются милые, теплые, русские. Я уже предвижу, как иной блюститель музыкальных нравов поморщится — русская певица и цыганские романсы. Да, романсы. А ведь их любили и Чайковский, и Фет, и Аполлон Григорьев. Пусть их любит и Людмила Зыкина!

Смотрит она иной раз, и вдру вопрос: — На рыбалку поедет?

И эта страсть знакома Людмиле. И ловит-то она рыбу как заправская рыбачка, с ней надо соревноваться всерьез, а то прогоришь!

Людмила Зыкина находится в самом расцвете сил. В ее глазах столько огня, силы, уверенности. Признание, успех, слава несколько ее не испортили. Она одинаково душевна в своем обращении и с молодым композитором, робко протягивающим знаменитой певице свои ноты, и с поэтом, который мечтает о том, что его стихи положат на музыку и песню будет петь Зыкина, и с воином Советской Армии, подносящим певице букет цветов, и с простой уборщицей, которая, бросив подметать пол, влюбленно говорит Зыкиной: «Как ты душевно поешь, дочка».

Виктор БОКОВ.